

ДВЕ ПРАВДЫ

ских, но она очень важна для понимания истории того времени.

Именно тогда было положено начало холодной войне, и пора разобраться, что же там было. Это не российско-польская проблема, потому что сталинская тень накрыла и ваш народ. Тут у нас общий интерес, и сегодня мы можем спокойно об этом говорить. Но как историк я знаю, что нужно много лет труда и дискуссий, чтобы разобраться в непростых вопросах, на которые нет единого ответа.

- Поляки хотели независимости, а восточный сосед видел их будущее иначе. Не это ли определило логику событий?

- Это так, но хотелось бы найти документы, которые бы пролили свет на мотивы сталинских решений. Например, есть много материалов, подтверждающих, что Сталин отрицательно относился ко всяким польским инициативам, независимым от него. И мы это хорошо понимаем.

Чтобы лучше разобраться в том, что было, мы должны хорошо понять российские проблемы, а россияне - польские. Я уверен, что люди всегда могут договориться друг с другом.

ЖЕРТВА БЫЛА ОБЩЕЙ

ФОТО ЭДВАРДА ЛАПОВКА

Лев Александрович БЕЗЫМЕНСКИЙ, писатель, историк, журналист, участник событий 1944 года:

- В 1944-м я был помощником начальника информационного отделения разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта. В мои обязанности входил сбор информации о ходе Варшавского восстания.

В конце сентября наши летчики сбросили в Варшаву парашютиста, капитана Ивана Колоса, и он попал в расположение восставших. Пробыл там недолго, потому что восстание было фактически подавлено, ему пришлось уходить. Переплыл Вислу, а на том берегу его ждал я. Он продиктовал мне свой отчет, который был немедленно передан командованию фронта.

К сожалению, ценная информация из первых рук пришла слишком поздно. Конечно, это был просчет нашей разведки. Подготовка восстания велась в глубокой тайне, а когда оно началось, то повлиять на его исход было уже нельзя. Прежние же сведения были одно-

сторонними, направленными против антисоветски настроенных отрядов Армии крайовой, в пользу Армии людовой, близкой к компартии.

14 сентября наши войска заняли Прагу - район Варшавы на правом берегу Вислы. Части 1-й Польской армии (они входили в состав 1-го Белорусского фронта), которыми коман-

«Создание в Варшаве иного польского правительства, чем то, которое мы до сих пор признавали, вместе с волнениями в Польше поставило бы Великобританию и Соединенные Штаты перед вопросом, который нанес бы ущерб полному согласию, существующему между тремя великими державами».
Письмо Черчилля Сталину от 1 февраля.

довал генерал Берлинг, попытались переправиться на другой берег, но неудачно.

- Чем объяснить, что мы то пытались помогать полякам, то наблюдали за событиями со стороны?

- Эта противоречивость была свойственна многим решениям советского командования. Наши воины от души хотели бы помочь повстанцам, но не сделали этого по двум причинам. Во-первых, поначалу нас было очень мало - основные силы были подтянуты к городу только через две-три недели. Когда же это произошло, то командование уже не хотело вмешиваться. Премьер-министр польского эмигранционного правительства Миколайчик во время встречи со Сталиным сказал, что, мол, когда ваши войска войдут в Варшаву, им придется иметь дело с правительством, сформированным в Лондоне. В сталинские планы это не входило, и вождем пришел к выводу, что восстание не помогает ему, а только мешает. Не для того Советский Союз вел тяжелые бои за Польшу, чтобы делить победу с АК или Англией. Сталин дал уничижительную характеристику АК: мол, аковцы отсиживаются в лесах и проявляют активность только тогда, когда в Польше появятся русские или англичане. Сталин держался вежливо, но вел скорее философскую дискуссию о демократии, польской истории, а не о будущем Польши. В письме Черчиллю он позитивно оценил переговоры с польским премьером.

Учтите также, что еще в 1943 году отношения с Миколайчиком резко ухудшились после катынского дела. Когда немцы обнаружили захоронения расстрелянных поляков и обвинили в убийстве нас, Миколайчик сразу встал на их точку зрения. В ответ Сталин демонстративно разорвал отношения с эмигранционным правительством.

«Разберитесь с Варшавой на месте и предпринимайте меры, какие нужно. Нельзя ли там провести частную операцию по форсированию Вислы именно войсками Берлинга? Вместе с Рокоссовским и сами помогите им организовать дело».

Сталин - маршалу Жукову, 13 сентября.

Во-вторых, поляки нас ни о чем не предупредили, и восстание оказалось неожиданным для всех, в том числе для Рокоссовского, который командовал фронтом. Руководство АК хотело взять Варшаву раньше советских войск.

Когда наш фронт хотел помочь, то не мог, а подошли войска - изменилась позиция верховного главнокомандования. Впрочем, она менялась еще не раз...

- Какое настроение было в те дни на нашем берегу?

- Бессильная злость. Солдаты пытались пробиться в город с севера, но ничего не получилось, и это стоило многих жертв.

- Почему наше командование запретило самолетам союзников, которые сбрасывали повстанцам продовольствие и оружие, садиться на наших аэродромах?

- Речь шла об аэродроме в Полтаве, который разбомбили немцы, - он просто не мог принимать столько самолетов. К тому же сбрасывать грузы с высоты несколько тысяч метров на небольшой пятючок, контролируемый повстанцами, - дело бесполезное, и большинство сброшенного досталось немцам. Тем не менее наши летчики старались помочь и гибли при этом.

- Есть точка зрения, что немедленное взятие Варшавы (а не в январе 1945-го, как произошло в действительности) помогло бы заметно приблизить победу...

- Это абсолютные фантазии, потому что наши войска были не в состоянии это сделать. План, представленный Жуковым и Рокоссовским, был нереален: он требовал изменения стратегических замыслов и переброски войск, что заняло бы не меньше двух-трех недель.

В начале июля 1944-го, когда предстояло определить направление главного удара, Жуков

«При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию».
Письмо Сталина Черчиллю, 16 августа.

был сторонником наступления на севере, в Восточной Пруссии, чтобы отрезать ее и уничтожить группу армий «Центр». Сталин был против. Он планировал сначала освободить Восточную Польшу и включить Львов в советскую зону влияния. Так и развивались события.

А в целом это трагическая страница Второй мировой войны. Напряженные отношения между союзниками хоть и не помешали победе, задержали ее. Английские планы, не говоря уж о позиции польского правительства, носили все черты будущего конфликта с Москвой. Лондону еще казалось, что войну можно выиграть без помощи Советского Союза или даже вопреки ему. Весь план восстания - хороший пример, к каким трагическим последствиям должно было привести такое понимание ситуации. Если бы не было противоречий и взаимного недоверия между союзниками, которые поддерживали АК, и Советским Союзом, делавшим ставку на Армию людovou, то были бы возможны более эффективные совместные действия. Но с нашей помощью в Люблине был уже сформирован Польский комитет национального освобождения, именно с ним Сталин и предлагал иметь дело.

Борьба за Варшаву - одна из болевых точек нашей общей истории наряду с пактом Молотова - Риббентропа и Катынью. Несвоевременное начало восстания привело к гибели многих польских патриотов и советских солдат. Общая жертва обязывает нас иначе строить отношения между народами и государствами.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ

В последнее время о трагедии Богородицкого поля начали осторожно рассказывать. Так случилось, что это страшное место оказалось в пределах музея-заповедника «Хмельница», который первоначально задуман был как место, связанное с именем А.С. Грибоедова. Здесь, однако, как и во многих местах нашей родины, события разных эпох словно набегают, наслаиваются друг на друга. А главное, директор заповедника Виктор Кулаков оказался человеком неуспокоенным и твердо решил выяснить, что же действительно произошло осенью 41-го года на Богородицком поле.

Грустно об этом говорить, но именно информационный вакуум, связанный с замалчиванием трагедии под Вязьмой, заставил Кулакова обратиться к немецким архивным материалам времен войны, с которыми позволил мне ознакомиться.

И вот передо мной военные документы германских частей, равнявшихся к Москве осенью 41-го. Полученные в Военном фе-

деральном архиве Германии, они сегодня неизвестны в России. Это не произведения Шиллера или Манна, по-военному простые короткие фразы может перевести даже школьник, но они сенсационны! Возможно, именно эти записи, карты и схемы, номера частей и соединений позволят восстановить историю трагедии, выяснить ее роль в том, что Москва не была захвачена врагом. Бесстрастные, по-немецки педантичные записи, сделанные через каждые полчаса, сообщают о погоде, перемещении частей, распорядке дня. Но вот день наступления, а полчаса спустя - доклад командира танковой группы: двигаться дальше не можем, поскольку траки вязнут в тупах! Или вот: приказ о взятии деревни Шутово, а потом причины, по которым немцы выполнить его не смогли. Одновременно в Берлине, столице другой страны победившей пропаганды, в двадцатый раз объявляли: «Противник, окруженный западнее Вязьмы, полностью уничтожен».

Георгий Жуков, не вдаваясь в трагические детали (он вообще, видимо, лишен был сантиментов), в мемуарах прямо связывал то, что немцы не вступили в Москву, с сопротивлением окруженных под Вязьмой армий. Некоторым частям, в том числе Московской дивизии ополчения, моряков 200-го морского арктического, частям 91-й дивизии под командованием генерала Ваткевича, удалось совершить прорыв. Войска вермахта расчленили наши части на отдельные очаги, однако полностью сломить сопротивление так и не смогли. Фашисты вынуждены были держать в районе Богородицкого до девяти дивизий.

На германских картах странство, обороняемое нашими частями, представляет собой вытянутый почти до Смоленска вдоль Минской трассы треугольник, нацеленный острием на Запад. Известный москвовед, историк Юрий Александров, сам прошедший скорбный путь от Бреста до

Владимир ПОТРЕСОВ

ОРУЖИЕ СЛАВЫ

МОРСКАЯ КАВАЛЕРИЯ

16 апреля 1945 года командир бригады торпедных катеров Краснознаменного Балтийского флота возложил на группу катеров под командованием П. Ефименко задачу атаковать корабли противника на рейде косы Хель в Гданском заливе. На самых малых ходах при сильном волнении и плотном тумане катера незаметно подошли к вражеским кораблям. На якорях стояли эсминцы Z-34, сторожевик и еще один корабль, чей силуэт едва угадывался. Команда: «Атака!», и тут же с ТК-131 под командованием лейтенанта Н. Короткевича последовал залп обоими торпедами. Спустя несколько секунд - первый взрыв: торпеды легли в цель! Следом грохочет второй - это торпеды с ТК-133 под началом капитан-лейтенанта В. Солодовникова. Форсируя двигатели, боевые машины устремились к горлу бухты.

Этот бой, описание которого встречается во многих изданиях, выиграла советские торпедные катера типа «Комсомолец», поступившие на вооружение лишь в августе 1944 года. Первые же катера-торпедоносцы появились в нашей стране еще в двадцатые. Их по понятным причинам прозвали «морская кавалерия», когда наша страна взяла установку на строительство «москитного флота». Средств на создание тяжелых кораблей тогда практически не было.

Как и в авиации, для достижения высоких скоростей в катеростроении важно соотношение мощность - масса корабля. Неудивительно поэтому, что первые торпедные катера АНТ-4 были созданы в ЦАГИ под руководством А. Туполева. Одномерно создавался торпедный катер Г-5. При мощности двигателей 2000 л.с. эта боевая машина несла две 533-мм торпеды со скоростью до 56 узлов (около 103 км/час). Исключительно высокие качества корабля сделали его основой нашего малого военного флота в Великую Отечественную войну.

Однако глиссирующие, или, как их называли, реданные, катера имели низкую мореходность, лишены были бронирования и мощного оборонительного вооружения - их стихией была скорость. В 1939 году в ЦБК создается деревянный торпедный катер Д-3 водоизмещением 40 т. При мощности двигателей 3600 л.с. он при скорости 48 узлов хорошо управлялся при сильном волнении, а дальность плавания - 355 миль - почти вдвое превышала возможности Г-5.

Всего к началу Великой Отечественной войны наш ВМФ имел 269 торпедных катеров разных типов.

В связи с войной затормозилось создание торпедного катера «Комсомолец», но работы над этим перспективным проектом не прекращались. Катер имел дюралюминиевый корпус длиной 18,7 м и шириной 3,4 м, разделенный на пять водонепроницаемых отсеков. Полное водоизмещение - 23 т. Моторы располагались в корпусе друг за другом, для уменьшения качки на подводной части были предусмотрены продольные реданы, а мореходность торпедоносца составляла 4 балла.

Вооружение включало две пулеметные установки - «спарки» ДШК (на катерах XIII серии их заменили на спаренные 20-мм автоматы ШВАК, управлявшиеся отдельно по горизонтали и вертикали двумя операторами), шесть больших глубинных бомб и два аппарата 450 мм для торпед образца 1938 года. Боевая автономность составляла 36 часов. В отличие от прочих катеров отечественной постройки на «Комсомольцах» была рубка из листа 7 мм брони. Экипаж насчитывал семь человек.

Строили «Комсомольцы» на разных заводах. Например, на Тюменской судостроительной (завод № 639 наркомата судостроительной промышленности) был центр торпедных катеров, где за годы войны построено 165 машин типа «Г-5» и «123-бис «Комсомолец».

В годы Великой Отечественной войны в Феодосии был полностью разрушен завод «Южная точка», однако уже через 11 дней после освобождения города женщины и подростки начали восстанавливать завод, где в 40-50-е было построено более 200 торпедных катеров «Комсомолец».

В связи с появлением эффективного ракетного оружия все страны прекратили выпуск торпедных катеров. Последние серии таких кораблей построили в 1967 году Дания и Швеция (проекты «Сёлевен» и «Спики I»), а в 1975-м Япония свернула проект РТ 11.

Недавно еще даже фанерные торпедные катера можно было видеть на морских базах наших флотов, а сегодня - лишь в виде памятников. Например, в Североморске на пьедестале в форме бетонного буруна: это ТКА-12 - один из тех двух деревянных катеров типа Д-3, с которыми Северный флот начал Отечественную войну.

Владимир ПОТРЕСОВ